

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭРЕ

Камьяр Дараби Дарестани, магистрант

Гилянский университет

Исламская Республика Иран, 19395, г. Тегеран, ул. Нияваран

E-mail: kamyardarabi2011@yahoo.com

Шахрам Набати, кандидат филологических наук, ассистент профессора

Гилянский университет

Исламская Республика Иран, 4199613776, Решт, пр-т «Персидский залив»

E-mail: shnabati@guilan.ac.ir

Проанализирована внешняя политика Китая в Центральной Азии в переходной эре. Распад бывшего Союза Советских Социалистических Республик открыл для Китая феноменальные возможности для осуществления и влияния на текущие политико-экономические процессы в Центральноазиатском регионе. Помимо независимости центральноазиатских республик и их способности действовать в качестве суверенных национальных образований, впервые в истории Центральной Азии регион подвергается воздействию различных внешних акторов, таких как США, Турция, арабский мир, Иран, Южная Корея и Япония. Китай, будучи близким к региону, имеет прекрасную возможность влиять на развитие событий в Центральной Азии. Целью настоящей работы является анализ внешней политики Китая в Центральной Азии в переходной эре. Поставленная цель обусловила решение следующих вопросов: Каковы интересы Китая в Центральной Азии? Как Китай продвигает эти интересы в рамках двустороннего и многостороннего взаимодействия? Какую роль играет Шанхайская организация сотрудничества в балансировании роли крупных держав в Центральной Азии?

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, Шанхайская организация сотрудничества, внешняя политика, переходная эра, Союз Советских Социалистических Республик

CHINA'S FOREIGN POLICY TOWARD CENTRAL ASIA IN THE TRANSITION ERA

Kamyar D. Darestani, undergraduate

University of Guilan

Bahonar Street (Niyavaran), Tehran, 19395, Islamic Republic of Iran

E-mail: kamyardarabi2011@yahoo.com

Nabati Shahram, Ph.D. (Philology), Assistant Professor

University of Guilan

"Persian Gulf" St., 4199613776, Rasht, Islamic Republic of Iran

E-mail: shnabati@guilan.ac.ir

The collapse of the former Union of Soviet Socialist Republics (USSR) opened up to China phenomenal opportunities for exercising and influencing current political and economic processes in the Central Asian region. In addition to the independence of the Central Asian republics and their ability to act as sovereign national entities, for the first time in the history of Central Asia, the region exposed by various external actors such as the United States, Turkey, the Arab world, Iran, South Korea and Japan. China, due to its western borders in Xinjiang with Central Asia, has a great opportunity to influence on the developments and events in this region. The purpose of this paper is to analyze China's foreign policy in Central Asia in the transitional era. The objective was to solve the following questions: What are China's interests in Central Asia? How does China promote these interests through bilateral and multilateral cooperation? What role does the Shanghai Cooperation Organization (SCO) play in balancing the role of major powers in Central Asia?

Keywords: Central Asia, China, Shanghai Cooperation Organization, Foreign Policy, Transitional Age, USSR

Распад Советского Союза в 1991 г. и последующее возникновение пяти независимых центральноазиатских республик – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана – привели к фундаментальным изменениям геополитического ландшафта Евразии. Китай, как и другие государства, граничащие с Центральноазиатским регионом (Россия, Иран и Афганистан), также сталкивается с изменившейся геополитической ситуацией.

Китайская Синьцзян-Уйгурская автономная область (СУАР) имеет общую границу с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. В советский период на западных границах Северного Китая и было неспокойно. В 1954 г. правительство Китая опубликовало карту с указанием частей Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в качестве китайской территории и утверждало, что Царская Россия аннексировала эти территории в 1880-х гг. [6, с. 201]. Хотя в 1987 г. Москва и Пекин начали диалог по урегулированию пограничного спора, распад Советского Союза оставил этот вопрос нерешённым. Эти переговоры были инициированы после выступления во Владивостоке в июле 1986 г. генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) М.С. Горбачёва, в котором он предложил провести переговоры с китайскими лидерами по китайско-советскому пограничному спору. После распада Советского Союза китайское правительство опасалось за свою западную границу. В августе 1991 г. китайский вице-президент Ван Чжэнь поручил Народно-освободительной армии (НОАК) в Синьцзяне «сформировать стальную стену для защиты социализма и объединения Родины» [12, с. 97].

Очевидно, что в начале 1990-х гг. поддержание стабильности в Синьцзяне и урегулирование пограничного спора с Россией и центральноазиатскими республиками занимали первое место в китайской повестке дня. Впоследствии вопросы энергетики, оживление торговли через Шёлковый путь и борьба с угрозами международного терроризма, религиозного экстремизма и наркотрафика стали важными факторами в стратегическом исчислении Китая. За последние 15 лет Китай сумел развить тесные и дружественные связи с центральноазиатскими республиками и преодолеть прошлые неопределённости по поводу пограничных споров, угроз терроризма, этнического национализма и религиозного экстремизма. В XIX в. Центральная Азия была ареной «Великой игры», в которой за стратегическое первенство боролись Царская Россия и Британская империя [11, с. 76]. Сегодня США, Россия и Китай конкурируют за подобное превосходство в регионе. Участие США в регионе в период после 11 сентября 2001 г. является ещё одним важным фактором в политике Китая в Центральной Азии.

Интересы Китая в Центральной Азии. После распада Советского Союза Китай был обеспокоен тем, можно ли сохранить Владивостокскую инициативу М. Горбачёва 1986 г. Владивостокская инициатива была направлена на улучшение отношений между бывшим СССР и Китаем. Это также проложило путь для переговоров о пограничных спорах между Россией, Китаем и тремя центральноазиатскими республиками – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. По итогам 22 раундов переговоров в 1996 г. были подписаны два важных соглашения по урегулированию пограничных вопросов: углубление военного доверия в приграничных районах и сокращение Вооружённых сил в приграничных районах. Эти соглашения предусматривали, что каждая сторона воздерживалась от проведения военных учений, направленных против другой стороны. Они также уточнили ограничения в отношении военных учений с точки зрения масштабов, района и количества таких учений, которые были разрешены. Кроме того, все важные военные действия, начатые одной стороной в районе между границей и 100 километрами от пограничной линии, должны были быть объявлены другой стороне. Также необходимо было направить приглашение для наблюдения за этими учениями. Наконец в соглашении также утверждается, что следует принять меры для предотвращения опасных военных действий и расширения дружественных обменов вооружёнными силами в приграничных районах [10, с. 1]. Решение этих пограничных вопросов предполагает переход России и Китая от конфронтации к диалогу, от конфликта к сотрудничеству. В китайском стратегическом мышлении большое внимание уделяется периферии. Его периферийная безопасность имеет следующие две цели: 1. Поддержание стабильности на своей территории, прилегающей к границе, и обеспечение безопасности и экономического благосостояния своего народа; 2. Обеспечение мира и стабильности на границе путём укрепления пояса добрососедства и дружбы [3, с. 139].

Нестабильная ситуация в китайской провинции Синьцзян – важный определяющий фактор в политике Китая в Центральной Азии [7, с. 9]. Здесь уйгуры борются за большую автономию и независимость на протяжении десятилетий. Уйгуры, проживающие в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, имеют прочные связи с Уйгурами в китайской провинции Синьцзян [3, с. 140]. После распада Советского Союза и последующего появления независимых и суверенных государств в Центральноазиатском регионе уйгуры, проживающие в Синьцзяне и за его пределами, визуализировали возможность независимого «Восточного Туркестана». Борь-

ба за независимость продолжается с 1949 г., когда мусульманское государство Восточный Туркестан вошло в состав Китая [9, с. 457]. Сегодня беспокойные уйгуры скорее всего обратятся к республикам Центральной Азии (CARs) за поддержкой в своём деле. Согласно официальной статистике, в Центральной Азии проживает более 300000 уйгуров, из которых 210000 проживают в Казахстане, 46000 – в Кыргызстане и около 30000 – в Узбекистане [14, с. 703]. Правительство Китая опасается народной поддержки «Восточного Туркестана» в Синьцзяне и среди уйгуров, проживающих в Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане. Призрак уйгуров по обе стороны границы, объединившийся и прилагающий согласованные усилия для реализации своих устремлений, подпитывает опасения потенциального распада Синьцзянского региона. Целью Китая является нейтрализация уйгуров и их стремление к поддержке со стороны республик Центральной Азии через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Китай рассмотрит проблемы в отношении Центральной Азии в связи с ростом религиозного экстремизма, терроризма и сил агрессивного национализма и побочного решения уйгурского вопроса.

Падение правительства Наджибуллы в Кабуле в 1992 г. и «победа» моджахедов привели к тому, что Афганистан стал оплотом экстремизма. «Победа» талибов в 1996 г. дала дополнительный стимул силам экстремизма и терроризма в Центральной Азии. Кроме того, гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.) и появление религиозных экстремистских группировок – исламского движения Узбекистана (иду), исламского движения Туркестана (ИДТ) или Исламской партии Туркистана (ИПТ) и Хизб-ут-Тахрир (ХТ) – в Ферганской долине и других частях Центральной Азии создали вызовы безопасности и стабильности в регионе.

Ряд тревожных событий – взрыв в Ташкенте в феврале 1999 г., вторжения в Кыргызстан и Узбекистан в августе 1999 г., августе 2000 г., июле 2001 г. и события 12–14 мая 2005 г. в г. Андижан в Ферганской долине в Узбекистане – привлекли внимание к растущей роли религиозных экстремистских сил в Центральной Азии. Это также привело к значительному изменению представлений об угрозе со стороны религиозных экстремистских сил. Исламское движение Туркестана (ИДТ), также известное как исламское движение Узбекистана (ИДУ) до середины 2003 г., и Хизб-ут-Тахрир (ХТ) – две ведущие экстремистские группы – открыто заявили о своей цели свержения конституционного строя и создания Исламского халифата в Центральной Азии. В то время как ухудшение экономических условий, коррупция, чувство несправедливости и неумелое государственное устройство дали ИМТ и ХТ больше возможностей для работы, идеологический натиск часто поддерживаемых иностранными религиозными силами, постоянный поток иностранных средств и неурегулированный конфликт в Афганистане являются основными факторами роста экстремизма в Центральной Азии [5, с. 408]. События в Андижане 12–14 мая 2005 г. в Ферганской долине, где столкновения между узбекскими силами безопасности и повстанцами привели к гибели от 200 [3, с. 141] до 500 чел., по разным данным [3, с. 142], и, вероятно, повлияют на геополитику в Центральной Азии в течение некоторого времени. Некоторые эксперты придерживаются мнения, что за андижанский кризис ответственны экстремисты, в то время как другие обвиняют правительство Узбекистана в его неизбирательном применении силы [13, с. 52]. В число провозглашенных целей ИМТ и ХТ по свержению конституционных систем в Центральной Азии также входит Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). В докладе, опубликованном 21 января 2002 г., китайское правительство обвинило религиозных экстремистов и международных террористов, базирующихся в Афганистане, в поддержке уйгурских «сепаратистов» в провинции Синьцзян. Доклад Госсовета был обнародован накануне первого государственного визита президента Афганистана Хамида Карзая в Китай. Согласно отчёту: «Статистика показывает, что в период с 1990 по 2001 г. террористические силы "Восточного Туркестана" внутри и за пределами Китая несли ответственность за более чем 200 террористических инцидентов в Синьцзяне, в результате которых погибли 162 человека из всех этнических групп, включая низовых должностных лиц и религиозных деятелей, и получили ранения более 440 человек» [2, с. 150]. Республики Центральной Азии и Китай разделяют это «экстремистско-сепаратистское» восприятие угрозы.

11 сентября 2001 г. стало поворотным пунктом в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом в Центральной Азии. С появлением Афганистана как эпицентра международного терроризма и религиозного экстремизма международные усилия по борьбе с этим вызовом стали неизбежными. Это требует координации и сотрудничества со стороны всех государств

региона и за его пределами. Россия уже довольно давно сталкивается с вызовами и угрозами своей территориальной целостности со стороны своей южной автономной Республики Чечни. Там чеченские экстремисты, имеющие связи со своими афганскими коллегами, ведут войну против Москвы за отдельную Чеченскую Исламскую Республику. Именно на этом фоне Москва оказывала поддержку операции «Непоколебимая свобода». В то время как Китай поддерживает возглавляемую США войну с терроризмом, он подозревает, что западные страны, особенно США, имеют скрытую повестку для контроля над природными ресурсами Центральной Азии и хотели бы окружить Китай с западного фланга. Присутствие американских военных на авиабазе Ганси близ аэропорта «Манас» в Кыргызстане, всего в 200 км от китайской границы, ещё больше укрепил эти опасения. Односторонние военные действия США и их союзников против Ирака в 2003 г. рассматривается Китаем как утверждение однополярности.

«Расширение на Восток» организации Североатлантического договора (НАТО) является ещё одним фактором, который повлиял на политические инициативы Пекина в Центральной Азии. Ожидается, что НАТО прекратит своё существование после окончания холодной войны. Однако Вашингтон вместе со своими союзниками решил расширить его, включив в него новых членов из Восточной Европы. Это расширение направлено на развитие демократии, прав человека и гражданского общества на постсоветском политическом пространстве. По прогнозам, новые демократические системы способны решать проблемы, порождаемые нестабильностью, переходом и ростом ожиданий.

Серия «цветных революций» – «розовая революция» в Грузии в 2003 г., «оранжевая революция» в Украине в 2004 г. и «тюльпановая революция» в Кыргызской Республике в марте 2005 г., – после сфальсифицированных парламентских и президентских выборов создали беспокойство в Пекине. Эти события усилили опасения Китая по поводу беспокойства Уйгура, которое эксплуатируется извне.

Китай и Россия оказали всестороннюю поддержку президенту Узбекистана И. Каримову в проведении мероприятий в Андижане в мае 2005 г., а Китай стал первой страной, которую президент Каримов посетил после Андижана. Визит помог правительству Узбекистана столкнуться с растущим международным давлением для международного расследования событий в Андижане. Это давление в первую очередь оказали США и Европейский Союз. Так, представитель Госдепартамента США Том Кейси сказал: «До тех пор, пока узбекские власти не позволят провести независимое и достоверное расследование, мы не можем знать, кто был ответственным или был вовлечён» [3, с. 143].

Участие Китая было усилено после того, как узбекские учёные назвали андижанские события прямым вмешательством США во внутренние дела Узбекистана [3, с. 144]. Например, Чэнь Сяньян поставил под сомнение роль США в содействии демократическим преобразованиям в регионе и расценил это как вмешательство во внутренние дела этих суверенных государств. Согласно оценкам экспертов, «цветные революции» нарушают суверенитет и угрожают законным правительствам центральноазиатских республик. Они также предоставили возможность террористическим и экстремистским силам манипулировать ситуацией в свою пользу [15, с. 24]. Однако правительства стран региона должны также решить проблему ухудшения экономических условий, отсутствия политического плюрализма и кумовства в этих странах [4, с. 20–21], местные политики и разочарование в отношении правительства Акаева были важными факторами, способствующими «тюльпановой революции».

Китай и Россия имеют общие интересы в отношении усилий США по продвижению демократических преобразований в Центральной Азии. Оба хотят сдержать влияние США в регионе и противостоять нетрадиционным угрозам безопасности и стабильности. Нестабильность в регионе будет иметь широкие последствия для России и Китая из-за географической близости региона. Об этом говорится в договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном обеими странами в 2001 г.

Стремление к энергетической безопасности также трансформирует участие Китая в Центральной Азии. Прогнозируется, что к 2020 г. [8, с. 49] спрос Китая на импортируемую нефть возрастёт с нынешних 60 млн т до 250–300 млн т в год, и Китай хочет уменьшить свою зависимость от западноазиатской (ближневосточной) нефти. Если над Тайванем разразится конфликт, то это серьёзно скажется на нынешних линиях поставок нефти. Таким образом, уча-

стие в проектах развития энергетики в Центральной Азии является важной частью энергетической стратегии Китая. Действительно, центральноазиатские республики обеспечивают благодатную почву для таких совместных проектов. Китай инвестировал или заложил значительные суммы денег в совместные предприятия наряду с центральноазиатскими нефтегазовыми компаниями, такими как «Петроказхстан», туркменский «Нефтегаз» и узбекский «Нефтегаз». Китай работает над созданием новых газо- и нефтепроводов, соединяющих центральноазиатские республики с трубопроводной сетью в Синьцзяне. Также реализуются проекты по созданию сети автомобильных и железнодорожных линий, соединяющих запад Китая с Россией, Европой и Западной Азией.

Очевидно, что интересы Китая в Центральной Азии расширились от стабильности на границах до энергетической безопасности, геополитики и борьбы с экстремистами, террористами, а также с «националистическими / сепаратистскими» силами. В то же время новая доктрина безопасности Китая претерпела изменения. Комментируя эти понятия, генерал-лейтенант А. Клименко: «В условиях продолжающейся глобализации не менее важно иметь определенную исключительную зону влияния или в китайской терминологии, жизненное пространство, которое может быть использовано для экономического, научно-технического развития, а также в интересах обеспечения безопасности страны» [8, с. 50].

Находясь на стратегических границах, он сказал: «Китайские теоретики считают, что стратегические границы жизненного пространства крупных держав выходят далеко за рамки их госзаказа, в то время как “жизненное пространство” многих “слабых” государств иногда имеет стратегические границы, которые не соответствуют их “совокупной власти”, что может привести к потере территории» [8, с. 51].

Политика Китая в Центральной Азии. В прошлом политика Китая в отношении его северо-западной границы можно было бы резюмировать одним словом – «оборона». Сейчас основная цель китайской политики – открытие границ. Для республик Центральной Азии Китай также становится естественным выбором, учитывая их положение, не имеющее выхода к морю [16, с. 43]. Неожиданный распад Советского Союза представляет трудности и возможности Пекину: вызовы включают в себя новую геополитическую ситуацию на его границах, в то время как возможности включают возможность возрождения Шёлкового пути. Политика Китая в области безопасности и экономической политики в республиках Центральной Азии основывается на противодействии терроризму, религиозному экстремизму и независимости уйгуров, двустороннем и региональном экономическом сотрудничестве, военном сотрудничестве и противодействии влиянию крупных держав, наносящих ущерб многосторонним соглашениям Китая и Центральной Азии в области безопасности. Китай предпринял серьёзные инициативы для обеспечения своих основных геополитических и геоэкономических интересов. К ним относятся урегулирование пограничных споров, сокращение вооружённых сил в приграничных районах, углубление военного доверия, добрососедство, соглашения о сотрудничестве в области дружбы и инициатива «шанхайская пятёрка», которая впоследствии стала Шанхайской организацией сотрудничества.

Пограничные вопросы между Китаем и республиками Центральной Азии. Китай и центральноазиатские Республики Казахстан, Кыргызской Республикой и Таджикистаном решены спорные вопросы границы, которые были в ожидании в течение длительного времени. Китай и Казахстан подписали протокол о демаркации государственной линии в Пекине 10 мая 2002 г. демаркации и делимитации 1740 км границы между двумя странами. Это соглашение, основанное на действующих правовых документах, в том числе первом китайском (Династия Цин) и российском (Царском) пограничных соглашениях XVIII в., было подписано министром иностранных дел Китая Тан Цзя Суан и его казахстанским коллегой Касымжомаратом Токаевым. Позже это было ратифицировано в парламенте РК [3, с. 145]. Кыргызская Республика и Китай в свою очередь подписали два протокола в 1996 и 1999 гг. для урегулирования своего пограничного спора. Кыргызская Республика передала Китаю 30000 га территории в соответствии с соглашением 1996 г., которое впоследствии было ратифицировано Кыргызским парламентом в 1998 г.

В соответствии с соглашением 1999 г. Китай получил еще 95000 га земли. Эти два соглашения способствовали нормализации и развитию сердечных отношений между Бишкеком и Пекином [3, с. 146]. Оппозиционные партии первоначально протестовали против договорённостей, но заверения киргизского президента Аскара Акаева о справедливости сделки их успо-

коили. Эти соглашения были ратифицированы Жогорку Кенеша (парламента) Кыргызской Республики от 7 мая 2002 г. [3, с. 147]. Таджикистан и Китай подписали соглашение в мае 2002 г. во время визита президента Таджикистана И.Ш. Рахманова в Китай. В соответствии с этим соглашением Таджикистан уступил 1000 км² территории до Китая в обмен на снятие Китаем претензий на 28000 км² территории Таджикистана [3, с. 147–148]. Это соглашение было ратифицировано Меджлисом Таджикистана (парламентом) в 2005 г. [3, с. 148].

Китай, будучи вторым по величине потребителем нефти в мире после Соединённых Штатов, как упоминалось выше, уделяет приоритетное внимание доступу к запасам нефти и газа в республиках Центральной Азии. Китайское правительство хочет диверсифицировать импорт энергоносителей и снизить зависимость от Западной Азии.

Китайская энергетическая безопасность включает в себя следующие элементы: диверсификацию источников импорта энергоресурсов и увеличение доли импорта нефти и газа из России и Центральной Азии; увеличение зарубежных инвестиций государственных нефтяных компаний; расширить способы торговли, чтобы избежать рискованных сделок; увеличение инвестиций в добычу нефти и газа; расширение инфраструктуры и открытие большего числа каналов для импорта; установление контролируемых правительством стратегических запасов нефти и газа; регулирование потребления энергии и структуры производства и сокращение зависимости от нефти путём газификации угля, развития ядерной энергетики; активное участие в формировании регионального сообщества и создании Региональной энергетической системы [1, с. 161].

С открытием в мае 2005 г. нефтепровода Атасу – Алашанькоу от Центрального Казахстана до Западного Китая Пекин добился больших успехов в освоении ресурсов углеводородов Центральной Азии. Строительство газопровода протяжённостью 988 км началось в сентябре 2004 г. и было завершено через десять месяцев, при этом Китай финансировал весь проект за счёт инвестиций, превышающих 800 млн долл. По словам министра энергетики и минеральных ресурсов РК Владимира Школьника, китайские инвестиции в нефтегазовый сектор Казахстана полностью оправданы, так как с 2010 по 2020 г. потребление китайской нефти увеличится с 355 до 500 млн т. в год, а дефицит нефти в Китае увеличится на 240 млн т [3, с. 152]. Китайская Национальная нефтегазовая Корпорация (КННК) подписала соглашение с Узбекистаном о вложении \$210 млн в разведку нефти и газа в течение следующих пяти лет. Пекин и Ашхабад подписали Генеральное соглашение о строительстве газопровода из Туркменистана в Китай на 3 апреля 2006 г. Статья 2 Соглашения гласит: «Китайская сторона будет закупать 30 млрд куб. м туркменского природного газа на границе Туркменистан в течение 30 лет, начиная с даты газопровода Туркменистан – Китай будет сдан в эксплуатацию в 2009 году» [3, с. 153]. Президент Китая Ху Цзиньтао и Ниязов также одновременно подписали соглашение о трубопроводном проекте, который будет поставлять газ из Туркменистана в Китай через Узбекистан. Также Китай продолжает строительство железнодорожной линии, соединяющей Узбекистан и китайскую провинцию Синьцзян через Кыргызстан. Это наглядно демонстрирует политические и экономические обязательства Китая по обеспечению поставок нефти и газа из республик Центральной Азии.

Китай также участвует в развитии инфраструктурных объектов в регионе. Пекин подписал 14 июня 2006 г. соглашение о строительстве автодороги в Таджикистане, а официальные лица также объявили о финансовых планах по строительству гидроэлектростанции в Казахстане. 16 июня 2006 г. Пекин выделил \$50 млн в кредит на улучшение ирригационной системы Узбекистана. Китайские чиновники также предложили к 2010 г. связать все шесть членов ШОС через волоконно-оптическую сеть, чтобы усилить связь [3, с. 154].

Как отметил профессор В. Цзянпин из Шанхайского нормального университета: «Китай имеет очень богатые ресурсы, такие как нефть, газ и металлы ...а также Китай имеет очень сильные человеческие ресурсы; и опытные, умелые китайские рабочие могут играть очень важную роль, чтобы помочь республикам Центральной Азии построить некоторую базовую инфраструктуру, такую как автомобильные дороги, электростанции и заводы. И, конечно, Китай может поставлять продукцию легкой промышленности в Центральную Азию. Так что во многом Китай может способствовать экономическому развитию Центральной Азии» [3, с. 155].

Нет необходимости говорить о том, что энергетическая безопасность Китая является приоритетной задачей, и его связи с богатыми энергоресурсами Казахстаном и Туркмениста-

ном значительны и имеют большой потенциал. Китайские инвестиции в казахстанский энергетический сектор значительны. Он участвует на всех уровнях в этой деятельности: от разведки и строительства экспортных трубопроводов до прямого приобретения энергоносителей.

Ещё одним важным направлением китайской деятельности является сфера коммуникаций, где Китай участвует в строительстве и восстановлении дорог. В настоящее время идёт реконструкция транснациональной автомагистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан, также недавно была завершена дорога, соединяющая Китай с Таджикистаном. Вероятность того, что этот транспортный коридор может обеспечить доступ Таджикистана и Китая к Индийскому океану через Афганистан и Пакистан, представляется высокой. Расширение связей между Китаем и республиками Центральной Азии значительно улучшило бы перспективы расширения торговли, а пограничная торговля с Казахстаном и Кыргызстаном уже процветает [3, с. 156].

Китай подписал договоры о добрососедстве и дружбе с Казахстаном и Кыргызстаном, а Пекин в 2005 г. укрепил свои политические связи с Казахстаном до уровня стратегического партнерства. Таким образом, мы видим сильные политико-экономические инициативы Китая в Центральноазиатском регионе. Китай и Кыргызстан также провели совместные антитеррористические учения возле пункта «Иркештам» на кыргызско-китайской границе с участием вооруженных сил обеих стран [3, с. 156–157]. Ещё одна поразительная особенность заключается в том, что Китай проводит энергичную дипломатию, отмеченную регулярным обменом визитами на самом высоком уровне, в дополнение к ежегодным встречам ШОС, которые предоставляют хорошую возможность для обмена мнениями [3, с. 157].

В рамках ШОС, объединяющей центральноазиатские республики (минус Туркменистан, плюс Китай и Россия), две последние страны совместно работают для региональной интеграции. Китай пообещал \$900 млн для финансирования проектов ШОС [3, с. 157]. Россия также берёт на себя ведущую роль в превращении Евразийского экономического сообщества (ЕЭК) в интеграционный фактор на постсоветском пространстве. Ожидается, что Евразийский банк развития, созданный Казахстаном и Россией, профинансирует проекты Евразийского экономического сообщества (ЕЭК) с капиталом в \$1,5 млрд [3, с. 158].

Пекин также добился больших успехов в обеспечении своего присутствия в Казахстане, Туркменистане и энергетическом секторе Узбекистана. В более широком плане Китай добился значительных успехов в реализации стратегии продвижения кредитов и инвестиций в центральноазиатские страны в развитие их экономики в целом, что привело к установлению отношений с соответствующими выгодами в энергетическом секторе.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – международная организация, основанная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

10 июля 2015 г. было объявлено о начале процедуры вступления в ШОС Индии и Пакистана. 9 июня 2017 г. Индия и Пакистан стали полноправными членами ШОС. За исключением Узбекистана, остальные страны являлись участниками «шанхайской пятёрки», основанной в результате подписания в 1996–1997 гг. между Казахстаном, Киргизией, Китаем, Россией и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы. Общая территория входящих в ШОС стран составляет более 34 млн км², т.е. 60 % территории Евразии. Общая численность населения стран ШОС равна 3 млрд 40 млн чел. (2015 г., половина населения планеты) [20, с. 251]. Экономика КНР – вторая экономика мира по номинальному ВВП, первая по ВВП по паритету покупательной способности с 2014 г.

ШОС не является военным блоком, как, например, НАТО, или открытым регулярным совещанием по безопасности (например, АРФ), а занимает промежуточную позицию [19, с. 202]. Главными задачами организации провозглашены укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом¹, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

---

¹ Официальный представитель МИД КНР Кун Цюань, 2004.

ШОС посвящено немало исследований. Так, первая часть монографии И. Н. Комиссиной, А. А. Куртова посвящена российско-китайским отношениям, которые анализируются комплексно: сильные и слабые стороны России и Китая с точки зрения проецирования влияния в регионе, успехи и неудачи сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), система региональных отношений в связи с проблематикой природных ресурсов (особенно энергоносителей), развитие инфраструктуры, миграция. Отмечается, в частности, что с 2000 г. позиции Китая в регионе усилились настолько, что центральноазиатские государства не могут позволить себе проводить политику, противоречащую китайским интересам.

Анализируя региональные структуры безопасности, авторы отдают свои симпатии Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ). Её механизм представляется им реально содействующим региональной стабильности, в то время как способность ШОС решать заявленные ей самой задачи вызывает у исследователей сомнения.

Страхи перед доминированием Китая в энергетическом секторе авторы считают преувеличенными, поскольку, с их точки зрения, российскую монополию в газовом секторе подорвать трудно. Вместе с тем спорным представляется тезис авторов о том, что в нефтяном секторе Казахстана господствуют западные компании. Несмотря на кажущееся преобладание в цифрах, их положение является непрочным и может измениться в зависимости от экономической, политико-правовой и экологической ситуации [18, с. 105].

Шестой саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) состоялась в Шанхае 15 июня 2006 г., на фоне меняющихся геополитических изменений в Центральноазиатском регионе. Изменение вызвано восстановлением российского влияния в Центральной Азии, увеличением взаимодействия Китая с центральноазиатскими республиками на двустороннем и многостороннем уровнях, а США движутся к утрате позиций в регионе. Цветные революции в бывших советских республиках и события в Андижане в период с 12 по 15 мая 2005 г. в узбекской части Ферганской долины, за которыми последовал уход американских военных из Узбекистана, породили опасения по поводу возобновления «большой игры» в Центральной Азии.

Ещё в 1990-х гг. «Шанхай-пятёрка», предшественник ШОС, сосредоточился на мире и стабильности на общих границах Китая с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. После урегулирования пограничных вопросов главная задача Китая заключалась в поддержке мира и стабильности на его границе, поскольку в основе шанхайского духа лежали добрососедские отношения, дружба и сотрудничество. С ростом нетрадиционных угроз и уязвимостью центральноазиатских республик перед этими опасными силами постепенно начала расширяться повестка дня «Шанхайской пятёрки» в области безопасности.

Первая встреча «Шанхайской пятёрки» (Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) в 1996 г. в Шанхае и вторая встреча в 1997 г. в Москве заложили основу нынешней ШОС. Основной целью совещания 1998 г. в Алматы «Шанхайской пятёрки» было добиться прогресса в выполнении совместных заявлений, принятых на совещаниях в 1996 и 1997 гг., включая остающиеся пограничные споры, и сделать организацию более активной в решении региональных вопросов. Во время холодной войны в Центральной Азии была высокая концентрация противостоящих советских и китайских сил. Действительно, «Шанхайская пятёрка» решила превратить то, что когда-то было крупной зоной напряжённости, в зону безопасности. Встреча «Шанхайской пятёрки» в 1999 г. в Бишкеке прошла успешно в том смысле, что возродила торговлю через Шёлковый путь и помогла создать большую экономическую интеграцию республик Центральной Азии, России и Китая. Душанбинская встреча «Шанхайской пятёрки» в 2000 г. высветила коллективную борьбу с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и сепаратизмом, и Узбекистан также был принят в качестве наблюдателя на этом саммите. В июне 2001 г. «Шанхайская пятёрка» распространила своё полноправное членство на Узбекистан, и механизм стал «Шанхайской шестёркой». Затем, 15 июня 2001 г., все шесть глав государств подписали декларацию Шанхайской организации сотрудничества.

Внешняя политика республик Центральной Азии. Внешнеполитические приоритеты центральноазиатских республик были одним из многочисленных выравниваний, или «политики открытых дверей». После распада Советского Союза значительные федеральные субсидии, которые поддерживали экономику республик, иссякли. Следовательно, центральноазиатские республики открыли свои двери для внешней помощи и заимствовали во всех важных

секторах экономики и социальных секторах в целом. Среднеазиатские республики не имеют выхода к морю и три из них имеют общую границу с Китаем. Эти геополитические навязывания подразумевали бы политику взаимодействия и дружбы с Китаем. По словам китайского учёного Чжаунцзы: «у членов ШОС общая граница. Странам Центральной Азии невообразимо развивать свою экономику и поддерживать внутреннюю стабильность без поддержки со стороны своих соседей» [17, с. 606].

Евразийское экономическое сообщество (ЕЭК) было создано в 2001 г. Россией, Беларуссией, Казахстаном, Кыргызской Республикой и Таджикистаном для содействия региональному экономическому сотрудничеству и интеграции. В конце 1990-х гг. Узбекистан дистанцировался от доминирующей в России региональной экономической группировки, но события в Андижане изменили внешнеполитическую ориентацию Ташкента. Кроме того, присоединение к ЕврАзЭС в январе 2006 г. Узбекистан возобновил своё членство в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), из которой она вышла в 1999 г.

Тем не менее, инициативы республик Центральной Азии по развитию регионального сотрудничества до сих пор не увенчались успехом. Ни Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), ни Центральноазиатская организация сотрудничества (ЦАОС), ни Центральноазиатский экономический союз (ЦАЭС) не добились каких-либо крупных результатов. С другой стороны, кажется, что ШОС, скорее всего, преуспеет в развитии регионального экономического сотрудничества и интеграции. Однако некоторые центральноазиатские аналитики и дипломаты опасаются «ползучей китайской экспансии» в регионе, особенно в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. Мурат Ауэзов, бывший посол Казахстана в Китае: «Для нас это большой сосед, и мы можем извлечь из этого выгоду. Но мы должны быть готовы. Я считаю, что лучшим средством обеспечения готовности является сознательная консолидация и солидарность республик и народов Центральной Азии. У нас, соседей, есть определенные [двусторонние] проблемы – например, пограничные и водные вопросы. Но мы должны держаться вместе. Мы сохраним наш суверенитет и свободу, если сможем создать полноценное центральноазиатское братство» [3, с. 158–159]. Такое же мнение высказал бывший заместитель министра иностранных дел Узбекистана, профессор Хайдаров [3, с. 159]. Ауэзов выразил озабоченность по поводу планов Китая по извлечению воды из рек, например, Иртыша, для разработки Урумчинского нефтяного месторождения в Синьцзянском регионе. Это чрезвычайно важный вопрос для Астаны, так как вода стала стратегическим вопросом в Центральноазиатском регионе. Река начинается в Китае, проходит через Казахстан, прежде чем закончиться в оз. Балхаш. Иртыш путешествует по Казахстану, прежде чем присоединиться к русской реке Оби.

Заключение. После распада СССР Китай был одной из основных стран региона и мира, которая имела оптимистическое видение в этой области благодаря достижению ресурсов таких стран, как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Подходящими возможностями для продажи инфраструктурных объектов и технологий Китая обладают Таджикистан и Кыргызстан. Это стало причиной того, что Китай пытался показать себя в качестве надежного партнера, а не гегемонической державы в этом регионе, благодаря получению трастов новых Независимых Государств Центральной Азии.

Но, конечно, Китаю было не так-то просто удержать своё присутствие в этом регионе. На севере есть великая держава, которая имела большое влияние на культурную и политическую сферу в Центральной Азии. Российские стратеги называют Среднюю Азию ближним зарубежьем, что свидетельствует о важности этого региона во внешней политике России. С другой стороны, появились новые актёры, такие как США, ЕС, Индия, Саудовская Аравия, Япония, Пакистан, а также Индия, у которых есть свои собственные планы по созданию благотворного присутствия в этих странах.

В заключение необходимо отметить, что у Китая была хорошая стратегия для плодотворного и эффективного присутствия в этом регионе в экономическом, геополитическом, культурном аспектах, но не следует забывать, что Китай не одинок. По мере роста присутствия Китая в мире США и Россия будут пытаться ограничить влияние Китая в этом регионе. И это главный пункт в китайской дипломатии для сохранения своих преимуществ.

Список литературы

1. Blank, S. China in Central Asia: The Hegemon in Waiting? / S. Blank // *Eurasia in Balance: The US and Regional Power Shift* (Burlington) / ed. Ariel Cohen. – 2005. – 161 p.
2. Dutta, S. East Turkestan terrorist forces get away with impunity, information office of the State Council / S Dutta // *Beijing Review*. – January 31, 2002. – P. 14–23 (as cited in Sujit Dutta, "China's Emerging Ties with Central Asia," In Nirmala Joshi, ed., *Central Asia: The Great Game Replayed- An Indian Perspective* (Delhi: New Century Publications), 2003. 150 p.).
3. Dwivedi, R. China's Central Asia Policy in Recent Times / R. Dwivedi // *China and Eurasia Forum Quarterly*. – 2006. – Vol. 4, № 4. – P. 139–159.
4. Dwivedi, R. Kyrgyzstan in the Throes of a Revolution / R. Dwivedi // *Asian Affairs*. – 2005. – P. 20–21.
5. Dwivedi, R. Religious Extremism in Ferghana Valley / R. Dwivedi // *Strategic Analysis*. – 2006. – Vol. 30, no. 2 (April – June). – P. 403–419.
6. Freeberne, M. Minority Unrest and Sino-Soviet Rivalry in Sinkiang, China's North-Western Frontier Bastion, 1949-1965 / M. Freeberne // *Essays in Political Geography* / ed. Charles A. Fisher. – London : Butler & Tanner Ltd., 1968. – P. 199–204.
7. Fuller, G. The Xinjiang Problem / G. Fuller, F. Starr. – Washington : Central Asia Caucasus Institute, 2003. – 9 p.
8. Gen, L. The Evolution of China's Military Policy and Military Doctrine / L. Gen, A. Klimenko // *Military Thought*. – 2005. – Vol. 14, no. 2. – 49 p.
9. Gladney, D. Islam in China / D. Gladney // *Turkistan Newsletter*. – 2001. – November 15. – 457 p.
10. Guangkai, G. X. Promote Shanghai Spirit and Boost Peace and Development / G. X. Guangkai // *International Strategic Studies*. – 2004. – June 4. – P. 1.
11. Hopkirk, P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia / P. Hopkirk. – London : John Murray Publ. Ltd., 1990. – P. 74–79.
12. Stobdan, P. China's Central Asia Dilemma / P. Stobdan // *Strategic Analysis*. – 1998. – Vol. 22, no. 3. – P. 399–400. (Also see John W. Garver, "The Chinese Communist Party and the Collapse of Soviet Union," *The China Quarterly* (March 1993): p. 96–98.)
13. Stobdan, P. Talking Heads / P. Stobdan // *Hindustan Times*. – 2006. – June, 23. (Also see, Shirin Akiner, "Violence in Andijon, 13 May 2005: An Independent Assessment," *Silk Road Paper*, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, July 2005.)
14. Syroezhkin, K. L. Myth and Reality of Ethnic Separatism in China and Security of Central Asia / K. L. Syroezhkin. – Daik Press, 2003. – P. 703.
15. Xiangyang Ch. Assessment of International Situation and China's Security Environment in 2005 / Ch. Xiangyang // *Foreign Affairs Journal*. – 2005. – 24 p.
16. Ethnic Challenges Beyond Borders: Chinese and Russian Perspective of the Central Asian Conundrum (Bashingstoke) / eds. Y. Zhang, R. Azizian. – 1998. – 43 p.
17. Zhaunghzi, S. New and Old Regionalism: The SCO and Sino-Central Asian Relations / S. Zhaunghzi // *The Review of International Affairs*. – 2004. – Vol. 3, № 4. – 606 p.
18. Богатуров, А. Д. Центральная-восточная Азия в современной международной политике / А. Д. Богатуров // *Восток*. – 2005. – № 1. – P. 102–118.
19. Зимонин, В. П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности / В. П. Зимонин // *Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития*. – Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2008. – С. 202.
20. Комиссина, И. Н. Шанхайская организация сотрудничества / И. Н. Комиссина, А. А. Куртов. – Москва, 2005. – С. 251.

References

1. Blank S. China in Central Asia: The Hegemon in Waiting? *Eurasia in Balance: The US and Regional Power Shift* (Burlington). Ed. by Ariel Cohen. 2005, 161 p.
2. Dutta S. East Turkestan terrorist forces get away with impunity, information office of the State Council. *Beijing Review*, 2002, January, 31, pp. 14–23 (as cited in Sujit Dutta, "China's Emerging Ties with Central Asia," In Nirmala Joshi, ed., *Central Asia: The Great Game Replayed- An Indian Perspective* (Delhi: New Century Publications), 2003. 150 p.)
3. Dwivedi R. China's Central Asia Policy in Recent Times. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006, vol. 4, no. 4, pp. 139–159.
4. Dwivedi R. Kyrgyzstan in the Throes of a Revolution. *Asian Affairs*, 2005, pp. 20–21.
5. Dwivedi R. Religious Extremism in Ferghana Valley. *Strategic Analysis*, 2006, April-June, vol. 30, no. 2, pp. 403–419.

6. Freeberne M. Minority Unrest and Sino-Soviet Rivalry in Xinjiang, China's North-Western Frontier Basin, 1949–1965. *Essays in Political Geography*. Ed. by Charles A. Fisher. London, Butler & Tanner Publ. Ltd., 1968, pp. 199–204.
7. Fuller G., Starr F. *The Xinjiang Problem*. Washington, Central Asia Caucasus Institute Publ., 2003, 9 p.
8. Gen L., Klimenko A. The Evolution of China's Military Policy and Military Doctrine. *Military Thought*, 2005, vol. 14, no. 2, 49 p.
9. Gladney D. Islam in China. *Turkistan Newsletter*, 2001, November, 15, 457 p.
10. Guangkai G. X. Promote Shanghai Spirit and Boost Peace and Development. *International Strategic Studies*, 2004, June, 4, p. 1.
11. Hopkirk P. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*. London, John Murray Publ. Ltd., 1990, p. 74–79.
12. Stobdan P. China's Central Asia Dilemma. *Strategic Analysis*, 1998, vol. 22, no. 3, pp. 399–400 (Also see John W. Garver, "The Chinese Communist Party and the Collapse of Soviet Union," *The China Quarterly* (March 1993): p. 96–98.)
13. Stobdan P. Talking Heads. *Hindustan Times*, 2006, June, 23 (Also see, Shirin Akiner, "Violence in Andijon, 13 May 2005: An Independent Assessment," *Silk Road Paper*, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, July 2005.)
14. Syroezhkin K. L. *Myth and Reality of Ethnic Separatism in China and Security of Central Asia*. Daik Press, 2003, p. 703.
15. Xiangyang Ch. Assessment of International Situation and China's Security Environment in 2005. *Foreign Affairs Journal*, 2005, 24 p.
16. *Ethnic Challenges Beyond Borders: Chinese and Russian Perspective of the Central Asian Conundrum (Bashingstoke)*. Ed. by Y. Zhang, R. Azizian. 1998, 43 p.
17. Zhaunghzi S. New and Old Regionalism: The SCO and Sino-Central Asian Relations. *The Review of International Affairs*, 2004, vol. 3, no. 4, 606 p.
18. Bogaturov A. D. Tsentralno-vostochnaya Aziya v sovremenoy mezhdunarodnoy politike [Central-East Asia in modern international politics]. *Vostok [East]*, 2005, no 1, pp. 102–118.
19. Zimonin V. P. Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva i evraziyskoe izmerenie bezopasnosti [Shanghai Cooperation Organization and the Eurasian Dimension of Security]. *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya* [Shanghai Cooperation Organization: Towards New Frontiers of Development]. Moscow, Institute of the Far East of the RAS, 2008, p. 202.
20. Komissina I. N., Kurtov A. A. Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva [Shanghai Cooperation Organization]. Moscow, 2005, p. 251.